

Д. КАМИНСКАЯ И К. СИМИС В МОСКВЕ

О РАБОТЕ РАДИО "СВОБОДА"

да» распространяет для своих сотрудников так называемый мониторинг, который оперативно перепечатывает без каких-либо купюр и комментариев все наиболее интересные материалы из советской прессы: как центральной, так и республиканской, как левой, так и правой. Соотношение выдерживается вполне объективное.

ВЕЖЛИВЫЙ ГОЛОС ИЗ-ЗА БУГРА

● «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

● 6 декабря 1990 г.

— Мы не хотели уезжать из страны, и первое время на Западе нам было чрезвычайно тяжело. Мы пытались зарабатывать литературным трудом, хотя я всю жизнь ненавидела писать (Д. Каминская). Я заставила себя написать книгу о политических процессах, где выступала защитником, она имела успех, и сейчас ее трудно купить даже в США. Костяна книга о коррупции в СССР, которую он восстановил, также была издана в США, Англии, Франции и Японии.

— Сейчас не заходит речь о переиздании этих книг в СССР?

— Главу из Динниной книги опубликовал журнал «Знания» (К. Симис), но предложение напечатать ее целиком пока не поступало. Что касается моей книги, то с учетом новых материалов о коррупции в СССР она уже значительно устарела. Хотя я еще в середине 70-х годов давал точную схему организованной преступности как в теневой экономике, так и в партийном аппарате, которая выглядит вполне современно.

— Как вы попали на радио «Свобода»? Не было ли у вас внутреннего сопротивления этому шагу? Ведь тогда «голоса» считались сугубо одиозными, вы автоматически зачислялись в агенты империалистических разведок и т. д. ...

— Когда нам предложили сделать первые пробные передачи, у нас не было ни тени колебания. Мы хотели сохранить связь со своим народом, говорить с ним хотя бы «из-за бугра», и такую возможность РС «Свобода» нам предоставила, не ставя никаких условий. На нас не только не нажали, но даже не пытались как-то ориентировать. Мы говори-

Голоса этих людей много из нас знакомы. Сейчас они работают обозревателями по правовым вопросам радиостанции «Свобода», живут в Вашингтоне, округ Колумбия.

Дина Нсаковна Каминская — известный правозащитник, адвокат, список ее подзащитных скажет о многом тем читателям, которые интересуются историей диссидентского движения: В. Буковский (1967), Ю. Галансков, Л. Богораз, П. Литвинов (1968), М. Джигалев и Н. Габай (1976). После 1970-го адвокат Д. Каминская органами безопасности была лишена «допуска» к политическим процессам, но продолжала оказывать посильную юридическую помощь на общественных началах тем, кого брежневское государство преследовало за политические убеждения и взгляды. В 1977-м — уволена из Московской городской коллегии адвокатов.

Еще раньше, накануне ноябрьских выборов 1976-го при обыске в их квартире была изъята рукопись книги К. Симиса о кор-

рупции в СССР. Этот труд по тем временам вполне гянул на статью 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», отмеченную 13 лет спустя. Ученый совет ВНИИ Советского законодательства в 1977 году выдворил с работы старшего научного сотрудника Константина Михайловича Симиса.

Осенью 1977-го вопрос был поставлен ребром: если вы не уедете на Запад, то Константин Михайлович поедет под конвоем на восток. В их отъезд не юном возрасте такие эксперименты были уже противопоказаны.

Они вернулись в Москву через тринадцать лет, но, увы, всего лишь на две недели...

Д. Каминская и К. Симис, прожив вместе почти полстолетия, но главным политическим позициям являются единомышленниками, поэтому я не буду разделять их голоса в интересую, за исключением одного эпизода, когда между супругами возникли разногласия в оценке ближайших перспектив нашей страны.

ли и продолжаем говорить то, что мы думаем.

В то время, когда мы впервые попали на «Свободу», у руководства русской редакцией стояли люди из второй волны эмиграции — в основном это те, кто после войны ушел вместе с немцами. Надо сказать, что их позиции были порой далеки от демократических, им было трудно избавиться от тенденциозности в освещении жизни СССР. К тому же профессиональный, да и культурный уровень этих людей был невысок. Мы практически не общались с ними, живя в Вашингтоне, тогда как штаб «Свободы» находится в Мюнхене, да и не имели особой охоты общаться. Мы делали свои передачи, и в этом нас никто не стеснял. Сейчас — тем более.

— Каковы ваши условия работы?

— Персонал на РС «Свобода» разделяется на штатных сотрудников и так называемых «фри-ланс» — журнали-

стов на договор. У штатных заработки вполне высокие, но в штат берут очень немногих. У нас, например, в том возрасте, в котором мы приехали в Америку — по пятьдесят семь, не было шансов устроиться на штатную работу. Что же касается «фри-ланс», то они живут очень по-разному, это зависит от количества передач. Мы делаем одну семейную передачу в неделю и три самостоятельных, да еще передачи для «Голоса Америки». Это позволяет нам вести достойный образ жизни. А есть обозреватели с одной передачей в неделю — при отсутствии других заработков это означает зубы на полку.

— На райскую ждаль непохоже. Четыре-пять передач в неделю — это, должно быть, наторжный труд. Тем более, если до 87 лет вы этим вообще не занимались. Темы еще не истощены?

— Что до радиожурнали-

стов «Свободы», то нас перестройка в СССР кормит неплохо. Мы стараемся осмыслить ее глобально как эпизод общенационального процесса, но в то же время ведем и постоянный текущий анализ политических событий, союзного и республиканского законодательства, сравниваем аналогичные институты в СССР и США. Наш принцип работы: во-первых, правда, во-вторых, вся правда, в-третьих, объективность и ни в коем случае никакого алордства. Последнего удается избежать не всем обозревателям РС «Свобода».

— Откуда вы черпаете информацию о жизни и событиях в СССР? Не чувствуете ли вы себя оторванными от информационных источников?

— Напротив, информации о политических событиях в СССР у нас в каком-то смысле даже больше, чем у нас. Например, мы лучше знаем, что у нас происходит в республиках. В качестве источников

Д. КАМИНСКАЯ : РАДИО "СВОБОДА" ПРЕДОСТАВИЛА НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ СОХРАНИТЬ СВЯЗЬ СО СВОИМ НАРОДОМ НЕ СТАВЯ НИКАКИХ УСЛОВИЙ

мы используем советскую и западную прессу. РС «Свобода» распространяет для своих сотрудников так называемый мониторинг, который оперативно перепечатывает без каких-либо купюр и комментариев все наиболее интересные материалы из советской прессы: как центральной, так и республиканской, как левой, так и правой. Соотношение выдерживается вполне объективное. Статьи из «Московского литератора» и «Пульса Тушина» — наше любимое чтение на ночь. Из левой прессы в мониторинге доминируют «Московские новости», «Огонек». Широко цитируется также «Комсомольская правда», так что с вашей позицией мы хорошо знакомы.

— И все же вряд ли газеты в состоянии передать всю полноту нашей сегодняшней жизни в Советском Союзе...

— Я не хотела ехать в Москву (Д. Каминская), хотя Костя часто говорил об этом. Мне было тяжело уезжать и страшно возвращаться на пелище. Помните, как это у Хемингуэя: «Что-то кончилось». Мы приехали по работе. Главная цель нашего приезда в Москву как раз и состояла в том, чтобы сверить свои ощущения. Мы убедились, что политически не отстаем, хотя увидеть все это воочию — конечно, эмоциональный шок. Например, посещение московских магазинов...

— Понимаю, тринадцать лет назад все выглядело несколько иначе, да и поотвыкли вы за эти годы от советских реалий.

— Вместе с тем мы получили и большой заряд положительных эмоций.

— Вот как? Интересно...

— Мы имеем в виду засе-

дание Верховного Совета РСФСР, на котором мы присутствовали. Это было для нас открытие, так как работа российского парламента в вашей прессе освещается достаточно скупно. Костя просто глава протер: «Дуся, что здесь происходит? Это же настоящий законодательный процесс, это же настоящие законодатель!»...

— В самом деле?

— Может быть, и не все еще получается, но во всяком случае мы увидели людей новой генерации, которые искренне ставят перед собой задачу построения правового государства и последовательно стараются ее решить (К. Смигис). Очень хорошее впечатление оставили председатель Комитета по законодательству Шахрай, министр юстиции РСФСР Федотов.

— Я всегда спорила с властью (Д. Каминская), и мне было удивительно, когда у нас за столом в Вашингтоне собрались наши бывшие сподвижники по правозащитному движению В. Золотухин и С. Ковалев — оба с депутатскими значками. А после посещения Верховного Совета России мы убедились еще больше: для нас настало время во многом соглашаться с Советской властью...

— К сожалению, пока что это не власть...

— Это люди, которые играют свою политическую роль в становлении новой государственности. И мы всей душой готовы их поддерживать. Надеемся, что и наш «голос» на-за бугра» будет тому способствовать.

— Однако вы решили посетить Верховный Совет РСФСР, а не СССР...

— Поймите, перспектива распада Союза совсем не кажется нам радостной. Но это,

на наш взгляд, объективный исторический процесс. В рамках демократии удержать слишком разные республики вместе невозможно. «Вечеринка окончена», как говорят в таких случаях в Америке. Теперь из этого процесса надо выйти с наименьшими потерями и наиболее безболезненным путем.

— Каким же вы видите этот путь?

К. Смигис: Он уже открыт. Происходит утечка власти из федерации в республики. Если этот процесс будет продолжаться в том же духе, то власть вашего Президента может стать постепенно чем-то вроде власти британской королевы.

Д. Каминская: Вопрос в том, устроит ли это его самого. У центра достаточно средств, чтобы принять контрмеры и остановить эту, как ты выражаешься, утечку власти.

К. Смигис: Какие же контрмеры? Танки? Никаких танков не хватит, чтобы оккупировать весь Советский Союз.

Д. Каминская: Не дай Бог, конечно, вам тут сойти с ума, но оккупировать всю страну вовсе не потребуются. Достаточно будет жестко продемонстрировать силу и пролить кровь в нескольких крупных городах. И все заморозится.

К. Смигис: А забастовку в ответ ты не хочешь? Шахтеров, нефтяников, энергетиков и железнодорожников? Призыв российского парламента, пусть распущенного, способен будет породить взрыв и парализовать страну. Горбачев никогда за это не пойдет даже ради сохранения власти. Тем более что к личной власти он, по моим наблюдениям, не стремится. Я надеюсь, что война законов все же не выльется в войну танков.

— Каково ваше отношение к личности Горбачева?

Д. КАМИНСКАЯ : РАДИО "СВОБОДА" ПРЕДОСТАВИЛА НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ СОХРАНИТЬ СВЯЗЬ СО СВОИМ НАРОДОМ НЕ СТАВЯ НИКАКИХ УСЛОВИЙ

— Это сложная фигура. Поначалу мы отнеслись к его реформам с большой подозрительностью. Мы считали и продолжаем считать, что перестройка и демократизация были развязаны вынужденно с целью оттянуть крах системы. Горбачев — дитя партпарата, он сохраняет старый менталитет, который не позволяет ему выйти за определенные рамки либерализации. Прагматик, он сделал ставку на демократические принципы, но мы до сих пор не можем поверить, что он является их искренним приверженцем.

— Позвольте с вами не согласиться. Я тоже вижу много непоследовательного в политике Президента и не отказываюсь от права его критиковать, но остаюсь при глубочайшем уважении к этому человеку. На мой взгляд, это великий человек и он уже двадцать раз заслужил себе памятник у истории.

— О да, безусловно! Поначалу мы его недооценили. Он много раз сумел превзойти самого себя, причем необходимо отметить, что личный успех не является для него определяющим. Он действительно хочет добра стране. Но партпаратный генотип его ограничивает. Михаил Сергеевич сыграл колоссальную историческую роль, но эта роль может стать трагической. Если он в ближайшее время не определит свое место в происходящих переменах, то может быть ходом исторических процессов отброшен на обочину.

— Такой исторический поворот крут и чрезвычайно опасен. Я не вижу сейчас другой фигуры, которая могла бы законным образом заменить Горбачева.

— Такой фигуры действительно нет при сценарии со-

хранения СССР в его нынешнем виде. Однако в каждой из республик по отдельности достойные и сильные лидеры найдутся. Они уже есть.

— Что вы думаете в этой связи о Борисе Ельцине?

— Внутри страны его рейтинг, безусловно, наиболее высок, хотя его популярность — это тоже скорее заслуга Горбачева. К тому же положение Ельцина пока что более выигрышно: он может критиковать действия центральной власти со стороны, сам ни за что не отвечая. Пока у него просто не было случая провалиться. Вообще-то этот человек для нас пока что не вполне ясен. Но в его пользу говорит то, что он обнаружил в себе способность вырасти за заданные тем же аппаратом рамки, то, что он окружил себя прогрессивно мыслящими людьми, настоящими интеллигентами, нимало не забываясь признаком их партийной принадлежности.

— Спасибо. Я слышал, что вы приехали в Москву также с целью сделать цикл передач о правосудии в СССР. Каковы ваши впечатления?

— Еще раз хочется отметить, что в стране больше не проводится политических процессов, на свободе все те, кого защищала и кому помогла Дина, хотя это стало уже общим местом (К. Симис). Когда я решила вдохнуть по старой памяти воздух Мосгорсуда и отправилась на Каланчевку (Д. Каминская), то судья в большом зале, где шел какой-то громоздкий процесс, встретил меня суровым окриком: «Я же вас удалил из зала! Мишница, выведите эту женщину!». Я хотела ему сказать, что меня удалили из зала тринадцать лет назад, но тут сердобольная публика стала кричать: «Это не она! Это не

она!», — и мне позволили остаться. Я заметила перемены: раньше оканья подсудимых стояла справа, у окна, а теперь слева, у стены.

— Каковы ваши прогнозы относительно возможности внедрения у нас суда присяжных? Есть мнение, к которому я и сам, честно говоря, склоняюсь, что при нынешней озлобленности народа и низком уровне правосознания присяжные могут сыграть роль прямо противоположную той, ради которой затевается реформа.

— В США народ тоже очень озлоблен против преступников. Не случайно большинство штатов не решается отменить у себя смертную казнь при всей очевидной бессмысленности этой меры наказания. Но нам приходилось наблюдать там нечто, что можно назвать феноменом совещательной комиссии. Присяжные — а это самые что ни на есть «простые люди» — в совещательной комиссии становятся гораздо строже к оценке доказательств и как-то вдруг гуманнее.

— Будем надеяться. И последний вопрос, которого я вам не могу не задать: ваше отношение к эмиграции из СССР и к Закону о въезде и выезде, проект которого все никак не может встать в повестку дня?

— Относительно закона — это однозначно. Такой закон должен быть принят, каждому гражданину должна быть обеспечена полная свобода выезда и возвращения, иначе все эти разговоры о демократизации и правах человека останутся пустым звуком. Что же до эмиграции из СССР — это глубоко печальный, трагический процесс, свидетельствующий о катастрофическом неблагополучии в стране, и не только в сфере экономики. Многие ведь едут не за колба-

сой, а в поисках достойного к себе отношения.

— Но и за колбасой тоже. Тут нам будет трудно понять друг друга, потому что я, так сказать, фанатический неужженец. Может, я в этом вопросе и ретроград, но я не могу заставить себя продолжать уважать людей, которые покидают страну в столь тяжкое для нее время. Разумеется, я не имею в виду ваш случай, я имею в виду добровольное бегство.

— Мы тоже были «неужженцы». Если бы нас насильно не выставили в 77-м, мы продолжали бы оставаться здесь. Но тем не менее нельзя отрицать за любым человеком право искать для себя достойной жизни. Не будем обходить молчанием эту достаточно деликатную тему: ведь эмиграция из СССР сегодня в массе своей еврейская. При этом происходит утечка мозгов, уезжают высококвалифицированные специалисты. Мы глубоко сочувствуем этим людям, которые в большинстве своем даже не представляют, что их там ждет, как тяжел процесс адаптации к новой стране и как глубока тоска по Родине.

Мы не понимаем, почему молчит по этому поводу Горбачев, какова опасность этих процессов для страны? Почему он не нашел возможным и нужным обратиться к людям, сказать: да, нам тяжело, но потерпите, не уезжайте, вы нам нужны.

— Я, конечно, не Горбачев, и это мне раньше просто не приходило в голову, но я сейчас же прокричу: Люди! Не уезжайте! Терпите! Вы нам нужны! К сожалению, я понимаю, что ни вас, ни многих других это уже не заставит вернуться...

Леонид НИКИТИНСКИЙ.